

РОЛЬ ВОСТОЧНОЙ КЛАССИКИ В ЭПИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ К. МЕЧИЕВА

Биттирова Тамара Шамсудиновна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), tbittir@mail.ru

В статье рассматриваются основные культурно-художественные истоки поэмы К. Мечиева «Бузжигит», ее связь с произведениями предшественников, новаторство поэта в реализации творческой задачи. В исследовании отмечается роль поэмы «Бозигит» кумыкского автора 19 века Абусуфьяна Акаева в расширении тематики карачаево-балкарской поэзии в предписменный период ее развития. Поэма «Бузжигит» К. Мечиева анализируется в сравнительно-типологическом аспекте с учетом художественных составляющих национальных версий в родственных по языку тюркских литературах, определяется место произведения классика карачаево-балкарской поэзии в лироэпическом наследии балкарцев и карачаевцев. В работе отмечаются основные фабульные линии поэмы К. Мечиева, восходящие к библейскому и кораническому сюжетам об Иосифе Прекрасном и Зулейхе.

Ключевые слова: карачаево-балкарская поэзия, восточные дастаны, Абусуфьян Акаев, Кязим Мечиев, традиции, новаторство, поэма «Бузжигит».

В этническом сознании карачаевцев и балкарцев понятие «Восток» определялось местами проживания представителей мусульманской культуры, не определяя Восток в географическом смысле. В духовной культуре современных карачаевцев и балкарцев значительное место занимают, определенные в научной литературе как «восточные», поэмы «Тахир и Зухра», «Бузжигит», «Юсуф и Зулейха». Понятие «шарк адабият» – «восточная литература» в представлении карачаевцев и балкарцев прошлых веков и дней сегодняшних охватывает богатую средневековую литературу классического периода. Помимо поэм Кязима Мечиева существуют большое количество списков – вариантов восточных поэм, созданных в разное время неизвестными авторами.

Поэма «Тахир и Зухра» встречается практически во всех национальных литературах тюркского мира: у народов Поволжья, Сибири, Крыма, Средней Азии, Турции и Ближнего Востока. Поэмы, в которых высокое чувство – любовь – становится трагической судьбой влюбленных, переходя из поколения в поколение, становится частью культуры народов. С течением времени меняется материальный мир человека – жилище, одежда и даже еда – самая консервативная часть этнокультуры – но остается вечным стремление человека к счастью, к миру и справедливости.

Великие поэты Востока, следуя традиционному сюжету, исходили из конкретных реалий своей эпохи. В то же время известный литературный памятник служил объектом творчества. Высокохудожественное произведение становилось отправной точкой, импульсом для творчества. Художественное пространство небольшого количества поэм вбирало в себя почти весь мусульманский мир, зачастую выходя и за его пределы. По утверждению Н. Конрада, «воссоздание на своем языке литературного произведения, написанного на другом языке, всегда акт

творчества. Появление перевода представляет в той или иной степени обогащение собственной литературы» [Конрад 1978: 29].

Творчество Кязима Мечиева многожанрово. Им написаны лирические и социального характера стихи, баллады и поэмы. До сегодняшнего читателя дошло пять поэм автора – «Бужжигит», «Жаралы жугътур», «Сары къош», «Тахир и Зухура» и «Моулюд». Последняя поэма, написанная на коранический сюжет о пророке, имеет полное основание занять место в данном списке лиро-эпики поэта, поскольку в ней соблюдены все законы жанра поэмы, начиная от внешних его форм, заканчивая полнотой идейного содержания. Поэма Кязима Мечиева «Бужжигит», будучи оригинальным произведением, восходит в своих сюжетных линиях и идейных концептах к средневековой тюркской традиции и в этом плане, несомненно, представляют интерес авторские произведения, написанные на крымскотатарском, кумыкском и татарском языках, как близких балкарцам и карачаевцам по языку и географически.

Первая известная авторская поэма «Юсуф и Зулейха» на крымскотатарском языке была написана в XIII веке Махмудом Кырымлы и была найдена впоследствии в частных коллекциях библиофилов в Германии и Турции [Кемал Конграт. Электронный ресурс]. В дальнейшем следование сюжету поэмы Махмуда Кырымлы стало поэтической традицией в тюркском мире. Вполне закономерно, что каждый автор вносил что-то новое в структуру поэмы, в характеристику основных ее персонажей, обновляя их в соответствии с художественными задачами своего времени. История любви Юсуфа и Зулейхи, переложенная поэтами Средневековья, отличалась от известных восточных поэм тем, что она была навеяна священными книгами, тогда как истории Хосров и Ширин, Лейли и Межнун, Фархад и Ширин и др. светских поэм имели в своей основе конкретные события, со временем ставшие мифическими.

Все талантливые версии «Юсуфа и Зулейхи», как правило, имеют две идейно-художественные линии – поэтическое изложение древней легенды и социально-политические проблемы современной автору действительности. Из всех названных авторов карачаево-балкарскому читателю были близки поэмы, созданные А. Акаевым и это, прежде всего, «Юсуф и Зулейха». Он ее опубликовал трижды – два раза до революции и один раз после революции [Акаев Абусуфьян 1992: 229].

В корпусе восточных поэм только поэма «Юсуф и Зулейха» восходит к библейскому сюжету. Из предшествующих поэм Кязимом заимствован образ Зулейхи, а Бужжигит по своему содержанию тяготеет к героям эпических сказаний, несмотря на то, что несет совершенно новые идеи по сравнению с идеями, заложенными в героических песнях и балладах.

Сюжетное развитие поэмы в известных авторских вариантах почти полностью повторяет фольклорное повествование. Но существует определенная художественная тенденция. Если образы Иосифа, его отца Якуба и девяти его братьев каждый автор старается наполнить новой по отношению к предыдущей легенде информацией, образ Зулейхи достаточно статичен. Она, как и многие героини восточной поэзии, пассивна как объект социума. Образ Зулейхи в отрыве от образа Юсуфа не имеет самостоятельного значения. В понимании Зулейхи ее возлюбленный – идеальный человек. Этому соответствует и его внешний облик. В частности, Зулейха из поэмы Абусуфьяна говорит об Юсуфе такими сравнительными оборотами: «Мамукъ кибик жумушакъды кёкюрегинг» – Твоя грудь мягка, как вата; «Янгы битген тал чыбыкъдай бармакъларынг» – Как прутья молодой ивы твои пальцы; «Инжи-маржан тизилгенлей тырнакъларынг» – Ногти твои как жемчужины; «Янгы айдай назик сени къашларынг бар» – Твои брови похожи на молодой месяц (перевод. – Т.Б.).

И все же, если судить по таким примерам, в поэме А. Акаева, как позже произойдет и в поэме К. Мечиева о любви Бужжигита и Зулейхи, тюркская художественная

ментальность разрушает традиционный набор эпитетов и сравнений, принятых в восточной классике. Но сама система характеристик и общепринятый круг «объектов» описания (глаза, брови, пальцы, грудь и т.д.) остаются прежними и позволяют рассматривать поэму как образец классической восточной поэзии.

Следы позднего мусульманского влияния можно увидеть уже в первом монологе Юсуфа, когда он в ответ на восхищение его красотой отвечает Зулейхе, что красота сиюминутна и рано или поздно человек превращается в прах. Он дает неприглядную картину тления человеческого тела (Вспомним про основной мотив карачаево-балкарских мунажатов: неизбежность загробной жизни и неминуемость расплаты за грехи – «къабыр азап»). Истинны, по его словам, только добрые дела и в потустороннем мире «тенг бола чакъ кёр ичинде ариу, эриши» – в могиле и красавец, и урод становятся одинаковыми (равными).

Кумыкские поэты начала XX века творчески перерабатывали известные сюжеты. Поэмы были близки и понятны балкарцам и карачаевцам, и по языку, и по заложенным в них идеям. Их переписывали многократно, заменяя некоторые непонятные слова (как правило, это были заимствования из фарси или арабского).

Существует множество версий-переложений этих поэм неизвестными авторами. Эти народные версии, сохраняя основной сюжет, несут отпечаток своего времени, тяготея к разделению лиро-эпического повествования на отдельные песни-рассказы. Фрагменты поэм часто рассказываются как легенды или как поэтические отрывки, уже выпавшие из структуры текста. К примеру, стихотворение «Къарт бабайны хапары» («Рассказ старого деда») существует как самостоятельный фольклорный текст. Однако он является частью поэмы о Бузжигите.

Одной из вершин карачаево-балкарской поэзии в лиро-эпическом жанре дописьменного периода следует считать поэму Кязима Мечиева «Бузжигит». Данное обстоятельство было обусловлено личностью ее создателя. Кязим был образованнейшим человеком своего времени, знатоком Корана и тафсиров, мусульманского права и философии, законов тюркского стихосложения и персидской классики. Об этом свидетельствовали современники, которые отмечали его образованность, живость ума, блестящее остроумие и скромность.

История создания Кязимом Мечиевым поэмы «Бузжигит» нам неизвестна. В отличие от лирических произведений и поэм, о «восточных поэмах» автора и истории их создания не осталось никаких свидетельств, и это было связано, на наш взгляд, «книжным» характером произведений. Они создавались не по конкретным событиям и фактам горской жизни, как бывало до сих пор, а по известным литературным сюжетам. Кязим Мечиев соединил в своей поэме коранический сюжет об Иосифе Прекрасном и сюжетные линии тюркской светской поэмы о Бозигите – Бузжигите. В поэме ярко выражены основные жанровые и структурные особенности «восточной» поэмы – детерминированность поступков героев, власть рока и относительность свободы. В этом произведении отчетливо выделяются три темы – любовь Бузжигита и Зулейхи, философское осмысление задачи творца и тема личной свободы. Это триединство взаимообусловлено, решение одной темы связано с двумя другими, каждая сюжетная линия и черта характера того или иного героя составляют концептуальные линии повествования. Поэма по своей структуре состоит из 24 глав, в каждой из которых своя тема.

Если в карачаево-балкарских лиро-эпических поэмах основной персонаж – это возлюбленная лирического героя, то в поэмах Кязима Мечиева главенство принадлежит герою-мужчине, рыцарю, подобного одинокому герою историко-героических эпических поэм-песен. Его подвиги во имя любимой женщины в сюжете доминируют.

В главном герое поэмы «Бузжигит» автор воплотил свою философскую концепцию о смысле бытия, о достоинстве человека-творца. Еще в ранней своей лирике поэт много говорит о предназначении человека. Здесь же подводится итог

его многолетним размышлениям о добре и справедливости, о несовершенстве мира. И рождается трагический образ, вызванный несоответствием устремлений человека уровню отношений в обществе. Приведенные стихи были порождены горьким опытом поэта, как и личным, так и его близких, родных и друзей. И тем не менее, они были в диссонансе с его принципами, с его верой. Кязим Мечиев с малых лет читал Коран, совершал намаз, постигал глубину веры, но многое в жизни общества не соответствовало тем идеалам, по которым должно было жить человеческое сообщество. Бог справедлив, но почему Он допускает несправедливость? – на этот вопрос он искал ответ в первых своих стихах, и они порождали трагическое ощущение несовершенства мира. Преодолению этой трагедии поэт посвятил много времени, пока не нашел ответы на все свои вопросы в священных книгах.

Трагедия Бузжигита заключается именно в том, что он не может быть свободен от обстоятельств. При этом поэт (а вслед за ним и его герой) вначале уверен, что мастерство и воля могут изменить ход событий. Он вкладывает это утверждение в уста старого мастера, отца Бузжигита:

Рать мастеров несметна,
В них и свет, и мощь добра.
Да, мастерство бессмертно,
Хоть смертны мастера.
Мы для труда родились.
Мы, люди мастерства, –
Чтоб камни превратились
В поющие слова!

(Пер. С. Липкина) [Кязим 2013: 189]

Однако логика развития отношений Бузжигита с внешним миром ставит все на свои места – настоящей свободы, которая могла бы позволить раскрыться всем человеческим достоинствам и чувствам, нет. Человек совершает те или иные поступки под влиянием обстоятельств, он уже *arjog* не свободен. И выбор, который он совершает, продиктован внешними силами. Как ни парадоксально, свобода Бузжигита ограничена его чувством. Он привязан к Зулейхе и в какой-то миг забывает слова отца о том, что мастер приходит в мир, чтобы оживить холодные камни.

В этой поэме основным является конфликт между чувством и долгом. Противоречие между Бузжигитом и отцом Зулейхи – второе по значимости при решении общеподобной задачи, обозначенной К. Мечиевым в начале поэмы.

Бузжигит – «культурный» герой Востока, привитый в карачаево-балкарскую этническую среду. Он одновременно и новый тип героя карачаево-балкарских лиро-эпических песен. В отличие от своих предшественников, скачущих на конях и разрезающих на фэтонах, Бузжигит строит дворцы и ведет интеллектуальные беседы с отцом и ханом. Но объединяет поэму с народным лиро-эпосом преданность прекрасной даме, беззаветное служение ей, верность чувству. Он сравнивает любовь с райской птицей. Эта крылатая метафора в данном случае означает все ценности мира, вершину желаний человека. Этой метафорой он как бы связывает два мира – фантастический и реальный – «Хаух дуня» (призрачный) и потусторонний мир) и «Хакь дуня» (истинный мир). Птица и рай – они оба на недостижимой высоте и стремление к ним заложено в природе человека.

Реализм поэмы проявляется во всем – в структуре произведения, в содержании образов, во взаимоотношениях героев, в выборе выразительных средств, как ни парадоксально для «восточной» поэмы, даже в развитии сюжета. Кязим, как великий мастер слова, понимал, что в горской среде невозможно раскрыть художественно достоверно лирическую линию поэмы в русле восточных традиций.

Он «отправляет» своего героя на Восток – строить дворец для хана – отца Зулейхи. Здесь и развивается лирическая коллизия. «В отличие от своих предшественников – певцов трагических любовных историй – К. Мечиев не романтизирует дастан о любви, он создает произведение реалистическое. Герои поэмы приземлены, их поступки реалистичны, глубоко связаны с жизнью народа. Образ влюбленного – Бузжигита – обрисован в традициях горской этики, воспитывающем в каждом своем представителе хорошего человека. Носителем горской этики выступает и отец Бузжигита, старый мастер», – пишет А. Теппеев [Очерки истории балкарской литературы 2010: 127].

«Бузжигит» К. Мечиева – это первая карачаево-балкарская поэма, отвечающая требованиям реалистического искусства. Сказочное, фантастическое в ней не имеет доминирующего характера, хотя внешние признаки художественной системы сохранены. Идеальные герои, необычайные обстоятельства в жизни героев, вещий сон, сентиментальная любовь, болезнь от любви, тюрьма – все это есть в поэме Кязима. Эти типологические параллели не обусловлены сходными обстоятельствами жизни, одинаковыми сторонами быта, общностью психологии, а являются необходимыми внешними атрибутами восточной поэмы.

Лирическая поэма, в которой рассказывается о печальной судьбе двух влюбленных, существует во всех национальных литературах, и это явление – общемировое. Ее сюжет и основная идея, преломляясь во времени и судьбах, могут иметь самые разные поэтические формы, однако вечными в ней остаются чувства влюбленных, о чем так убедительно сказал исследователь поэзии Востока Михаил Курганцев: «Дань времени платят неизбежно все, даже самые славные творения духа, но для стихов о любви она минимальна или ее нет совсем. Лирические герои здесь – наши живые собеседники, порой наши двойники, почти мы сами. Вся полнота переживаний, породившая эту лирику, доступна нам и зачастую изведена нами. И голос влюбленного поэта, звучащий из невообразимой дали времен, по своему и щедро помогает восполнить сегодняшний дефицит счастья» [Курганцев 1988: 43].

Источники и литература

1. *Акаев Абусуфьян*. Пайхамбарны ёлу бла. (Тропою пророка). Т. 1 / сост. Г. Оразаев. Махачкала. Дагестанское книжное издательство. 1992. 349 с.
2. *Кемал Конгурат*. Электронный ресурс: <https://leylaemir.org/rus/history-page/kemal-qonurat/kemal-qonurat-k-istokam.php> (Дата обращения: 05.10.2019).
3. *Конрад Н.И.* Избранные труды: литература и театр. М.: Наука, 1978. 469 с.
4. *Курганцев М.* Любовная лирика классических поэтов Востока. М., 1988. 347 с.
5. *Кязим*. Стихи и поэмы. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2013. С. 189
6. Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 2010. 808 с.

THE ROLE OF EASTERN CLASSICS IN THE EPIC HERITAGE OF K. MECHIEV

Bittirova Tamara Shamsudinovna, Doctor of Philology, Leading Scientific Associate of the Karachay-Balkarian Literature Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), tbittir@mail.ru

The article considers the main cultural and artistic origins of K. Mechiev's poem «Buzzhigit», its connection with the works of its predecessors, the poet's innovation in the implementation of the creative task. The study notes the role of the poem «Bozigit» by the Kumyk author of the 19th century Abusufyan Akayev in expanding the subject of Karachay-Balkar poetry in the pre-tribal period of its development. The poem «Buzzhigit» By K. Mechiev is analyzed in a comparative typological aspect, taking into account the artistic components of national versions in Turkic

literatures related to the language, the place of the work of the classic of Karachay-Balkar poetry in the lyroepic heritage of the Balkar and Karachay people is determined. The work notes the main plot lines of the poem by K. Mechiev, Dating back to the biblical and Quranic stories about Joseph the Beautiful and Zuleikh.

Keywords: Karachay-Balkar poetry, Eastern dastans, Abusufyan Akayev, Kazim Mechiyev, traditions, innovation, poem «Buzzhigit».

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-72-77